

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

З. И. ВЛАСОВА

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ В. Г. КОРОЛЕНКО

(По сибирским материалам)

Вопрос об этнографических интересах В. Г. Короленко неоднократно затрагивался в литературе. В статье А. И. Малютиной «Короленко и Сибирь»¹ приводятся записи из дневника писателя, свидетельствующие о его сочувственном отношении к народностям Сибири, отмечается интерес В. Г. Короленко к фольклору. Малютина справедливо указывает, что после И. А. Худякова В. Г. Короленко был одним из первых собирателей и исследователей якутской народной поэзии. Более подробно останавливается на этом вопросе Б. М. Белявская в статье «В. Г. Короленко и современная Якутия»². Она показывает разносторонний и глубокий интерес писателя к якутскому краю и его культуре, влияние произведений Короленко на развитие якутской литературы, показывает, какую хорошую и прочную память оставил по себе писатель в Якутии.

В «Истории Якутской АССР»³ В. Г. Короленко также упоминается в числе первых собирателей и исследователей якутского фольклора и этнографии, вышедших из среды политических ссыльных.

Однако фольклорно-этнографические интересы В. Г. Короленко заслуживают более систематического и подробного рассмотрения, так как раскрывают еще одну из сторон его богатой творческой природы и мастерства. Сибирские рассказы писателя, по замечанию В. Г. Богораза, положили начало «не только беллетристике, но и этнографии, созданной ссыльными»⁴.

Этнографические интересы В. Г. Короленко нашли отражение также в деятельности его как одного из редакторов «Русского богатства», а собранный им якутский фольклор представляет значительный интерес для исследователя. Цель данной статьи — освещение этнографических интересов писателя.

В. Г. Короленко был сослан в Якутию в конце 1881 г. за отказ от присяги Александру III. Уже по пути в ссылку он решил заняться «на новом месте» кое-какими «публицистическими темами, которые уже выяснились», и беспокоился только, что на далекой окраине России,

¹ А. И. Малютина, В. Г. Короленко и Сибирь, «Енисей», 1950, № 7.

² Б. М. Белявская, В. Г. Короленко и современная Якутия, Сб. «Прогрессивное влияние великой русской нации на развитие якутского народа», Якутск, 1950.

³ «История Якутской АССР», т. II, 1957, стр. 359—360.

⁴ В. Г. Богораз, В. Г. Короленко и сибирская школа писателей, Сб. «Памяти В. Г. Короленко», Пг., 1922, стр. 30.

какой была тогда Якутия, «трудно будет доставать источники»⁵. В дороге он внимательно присматривался к условиям жизни и труда, особенностям быта сибирских народностей, заносил в дневник свои наблюдения, впечатления, заметки.

С конца XVIII в. Сибирь стала постоянным местом ссылки, и Короленко дал ей меткое определение: «складочное место российской драмы». Он видел драму не только в тюрьмах и на этапах, но и в жизни русских переселенцев и угнетенных сибирских народностей, жестоко притесняемых и нередко обреченных на вымирание. В записной книжке он сочувственно упоминает об остяках (хантах) и описывает их физический тип: «Роста они небольшого, лица темноватые, с широкими скулами, с косыми глазами, плоские. Черты их точно приплюснуты». Непосредственное знакомство с остяками вызывает у писателя чувство симпатии к этим смелым, выносливым, отважным, веселым и добродушным людям. Он с восхищением наблюдает за их быстрой лодкой: «Поровнявшись с кормой, она вдруг нырнула промеж волн, накренилась, подняла нос и... вдруг точно прилипла к бежавшей за кормой лодке. Три остяка примкнули к нам на ходу парохода. «Рыба давай! — кричали они весело, взбираясь по канатам, между тем как их душегубку швыряло и било волной»⁶.

С интересом присматривался В. Г. Короленко к особенностям быта остяков. Осматривая остяцкие лодки, он заметил: «Весла их небольшие, сделаны очень изящно и напоминают лист какого-нибудь водного растения. Сходство дополняется еще тем, что они выдалбливают в лопасти большое стержневое углубление»⁷. Эти лодки, по описанию В. Г. Короленко, «долбленные из целых стволов, узки и чрезвычайно неустойчивы. Борты их в середине поднимаются над водою, не выше вершка. Тем не менее остяк смело пускается на ней в самую большую волну». При этом лодки отличаются большой легкостью: «Одну из них я легко приподнял руками: ее нетрудно было бы унести на себе, и, действительно, остякам приходится иногда таскать на себе свои судна»⁸.

Подчеркивая трудолюбие, выносливость и выдержку остяков, писатель с горечью отмечает эксплуатацию и притеснения, которым они подвергаются: рыба скупается у них за бесценок, в их быту появляется ряд отрицательных явлений: «Мы привозим им на своих пароходах... — цивилизацию, хлеб, водку и сифилис. Говорят, что от этой «французской» (как ее называют в народе) болезни мрут сибирские остяки шибко»⁹.

Короленко замечал социальное расслоение внутри отдельных сибирских народностей. Наблюдая за встречающимися в пути выючными караванами тунгусов, Короленко отмечает и в их социальных отношениях черты «рабства, трудно искоренимого в нашем отечестве»¹⁰. Используя позже свои путевые заметки в «Истории моего современника», он создает в ней живую и яркую иллюстрацию к этим отношениям: «Олени с ветвистыми рогами, закинутыми на спину, шли, покачиваясь под тяжелыми выюками, а на некоторых вдобавок сидели, вытянув ноги вперед, тяжелые тунгусы... Однажды нам попался таким образом тунгусский князек. Он похож был на башню, а рядом с ним бежал спешившийся родович, выслушивая его приказания»¹¹.

⁵ Из письма В. Г. Короленко к брату — И. Г. Короленко, «Письма из тюрем и ссылки», Горький, 1935, стр. 164.

⁶ В. Г. Короленко, Дневник, т. I, Харьков, 1925, стр. 26—27.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 27.

⁹ Там же, стр. 26—27.

¹⁰ В. Г. Короленко, История моего современника, Собр. соч., т. VII, М., 1955, стр. 286.

¹¹ Там же.

Местом ссылки В. Г. Короленко была слобода Амгинская; в ней он прожил больше трех лет. Здесь его интерес к фольклору, быту и языку местного населения проявился особенно широко. Самые условия жизни в Якутии подсказывали необходимость фольклорно-этнографических исследований. Судя по воспоминаниям товарищей по ссылке, Короленко пользовался в Амге огромным авторитетом и доверием населения. «К нему льнули все, а в особенности наиболее отчаявшиеся и отверженные, так как чувствовали, что он их не только не презирает, но и признает за людей. И это возвышало их в собственных глазах»¹². Приглашать «шаферами» на свадьбы считалось почетным именно В. Г. Короленко и его товарищей¹³.

Особенности национального характера якутов, среди которых приходилось жить, своеобразие их культуры, поэзии, малая изученность края, почти полное отсутствие серьезных краеведческих работ о Якутии, административный произвол и бесправие населения — все это не могло не повлиять на характер творческих интересов В. Г. Короленко. Немалую роль сыграли при этом его народнические взгляды, которых он еще придерживался, и своеобразная среда политических ссыльных, из которых многие сделались впоследствии известными учеными-этнографами.

Одновременно с В. Г. Короленко сослан был в Якутию в 1881 г. член общества «Земля и Воля» Э. К. Пекарский, впоследствии известный якутовед; Н. В. Виташевский, участник Сибиряковской экспедиции, этнограф, в 1883 г. также был поселен в Якутской области; В. М. Ионов, ставший впоследствии известным как исследователь Якутии — этнограф, фольклорист и лингвист, — после пятилетней каторги вышел на поселение в Якутскую область. С С. Ф. Коваликом, одним из организаторов первых народнических кружков, исследовавшим в ссылке быт якутов, В. Г. Короленко познакомился в иркутской тюрьме. Он был знаком также с Л. Г. Левенталем, исследователем общественного строя якутов; В. И. Иохельсоном, изучавшим народности Колымского округа, знал об их этнографических работах. Со всеми ними он переписывался после возвращения из ссылки.

Н. К. Пиксанов показал в своих работах¹⁴, как должно было повлиять своеобразное политическое окружение, споры народников разных направлений на формирование взглядов В. Г. Короленко, пережившего в Амге кризис своего мировоззрения, убедившегося в несостоятельности теории народничества. Не меньшую роль должны были сыграть и занятия этнографией.

Сам В. Г. Короленко, судя по сохранившимся наброскам статей, заметкам, планам и конспектам, собирался работать в ссылке как публицист и как этнограф.

О публицистических замыслах его свидетельствует составленная им в Амге «Программа для очерков Якутской области», набросок статьи «Изучение края», план изучения экономических отношений в Батурусском улусе, набросок вступительной статьи к очеркам о Якутии, сохранившиеся в записных книжках¹⁵.

«Программа для очерков Якутской области» включает общий географический обзор, куда входят следующие вопросы: число округов и

¹² О. В. Аптекман, Черты из личных воспоминаний, «Каторга и ссылка», М., 1927, № 8, стр. 170—171.

¹³ «Письма из тюрем и ссылок», стр. 164.

¹⁴ Н. К. Пиксанов, В. Г. Короленко и якутская ссылка 1881—1884 гг., Сб. «В якутской неволе», 1927; его же, В. Г. Короленко и народничество, Сб. «К 40-летию ученой деятельности академика А. Г. Орлова», 1934.

¹⁵ Государственная библиотека СССР им. Ленина, Рукописный отдел, архив В. Г. Короленко, ф. 135, папка 3, ед. хр. 112 (Дальше: Архив В. Г. Короленко...)

их «пространство», количество городов в области, их характеристика; количество городского населения в каждом; общее число жителей по области; народности, населяющие Якутскую область, их географическое распределение; административное деление (наследи и улусы в связи с родовым устройством инородцев).

Программа включает также сведения этнографического характера. Для осуществления задуманного плана В. Г. Короленко намечает планомерное изучение экономических отношений в отдельном улусе. Его интересуют в первую очередь вопросы землевладения; ближайшим объектом изучения служит Батурусский улус. Составленный им план включает ряд вопросов.

«1. Бат<урусский>улус. Его приблизительное пространство. Наслеги. Приблизительное пространство каждого. Число душ в каждом из них. Приблизительное количество земли (пашни и покоса) на платящую единицу (по классам). Число плательщиков по классам»¹⁶.

В следующих пунктах (2—5) В. Г. Короленко ставит задачу изучить системы платежей за землю и учета платежных единиц. Его интересуют прежде всего экономические условия существования жителей Батурусского улуса, которые зависят главным образом от количества земли (лугов и пашен), от величины государственных пошлин и иных форм платежей государству, наконец, справедливость и законность оснований, исходя из которых взимаются платежи.

В круг внимания В. Г. Короленко входит и вопрос о социальных правах и классовых различиях; в пункте 6-м, сформулированном вследствие его положения политического ссыльного с достаточной осторожностью, сказано: «Часты ли случаи перехода из низшего класса в высший напр<имер>, сколько было таких случаев за два последних года и обратно. Не играет ли при этом какой-нибудь роли наследственность. Нельзя ли привести несколько случаев такого перехода, те мотивы, которые были выставляемы при этом за и против повышения такого лица (например, то, что его отец или дед был почетный и т. п.)?»¹⁷.

Интересуясь условиями существования коренного населения, Короленко учитывал также, что Якутская область служит местом для поселения политических ссыльных, отбывших свой срок каторжников, вышедших на поселение бродяг и т. п. Ежегодно увеличивающееся число поселенцев и ссыльных отражалось на положении местных жителей, главным образом якутов, обязанных дать поселенцу землю, выделить определенное количество домашнего скота, если поселенец пожелает заниматься хозяйством, а в противном случае как-то содержать его. В. Г. Короленко намеревался показать в очерках бессмысленность и жестокость системы административной ссылки, которая всей тяжестью ложилась на плечи местного населения. Поэтому особенно «большой» для Якутии «поселенческий вопрос» стал одним из объектов его исследования; седьмой пункт плана по изучению Батурусского улуса касается поселенцев:

«7. Количество поселенцев по улусу и наслегам. Сколько из них живет на месте. Сколько имеют дома. Сколько в отлучке. Нельзя ли иметь приблизительно хотя бы расчета стоимости расходов на пособия или года за два, за три или хоть за один последний».

Остальные пункты плана касаются земельных отношений у якутов, их взглядов на право земельной собственности:

«8. Происходят ли частные переделы пашен и покосов и как часто.

9. Бывают ли продажи, мены или вообще переход земли в какой бы то ни было форме от одного наслега к другому?»

¹⁶ Архив В. Г. Короленко, ф. 135, п. 19, ед. хр. 1245.

¹⁷ Там же.

10. Как якуты смотрят на землю: составляет ли она, по их мнению, собственность государя или их собственность. В последнем случае, кто является владельцем-распорядителем: улус, наслед? Откуда, по их мнению, истекает их право собственности на землю?

11. Бывают ли случаи, чтобы один род принадлежал к двум наслегам?»¹⁸

Результаты наблюдений в Батурусском улусе должны были дать материал для задуманных «Очерков Якутской области». Сочетание элементов публицистики и этнографии, характерное для творческого метода В. Г. Короленко, сближало его с Г. И. Успенским. Эта черта намечается уже в «Программе для очерков Якутской области». Содержание ее говорит о том, что Короленко хотел привлечь внимание широкой общественности к условиям жизни в Якутии, показав на конкретном разностороннем материале ее своеобразные черты. Для этого он избрал публицистическую форму. В архиве писателя сохранился набросок, который Б. М. Белявская справедливо считает вступлением к задуманным очеркам¹⁹. В примечании указывается: «Я, собственно, имею в виду дать вам несколько очерков»²⁰. Во вступлении характеризуется убогая картина якутской общественной жизни, где руководящим началом является начальственное «нельзя», где господствует укоренившийся обычай административного «нажатия»²¹.

Составленная В. Г. Короленко «Программа для очерков Якутской области» не была полностью осуществлена, но собранные им материалы частично были использованы впоследствии в опубликованных при жизни писателя сибирских рассказах и особенно в незавершенных рассказах из якутской жизни, которые были изданы в 1946 г.²²

Захваченный новизной впечатлений, богатством интересных фактов, которые давала новая, мало известная в этнографическом отношении среда, Короленко в наброске другой статьи («Изучение края») пишет о необходимости всестороннего исследования Якутии, которому должно предшествовать тщательное собирание материала. В начале этого наброска подчеркивается ценность для науки фактов, которые могут быть собраны местными силами: «Материала — непочатый угол! И какого материала! Не нужно даже особенной эрудиции. Просто — грамотный человек, знающий местный язык (а здесь все говорят по-якутски), может принести громадную пользу»²³. В. Г. Короленко предлагает привлечь к собирательской работе людей, хорошо знающих быт местного населения и по характеру деятельности вынужденных постоянно общаться с ним. В собирании материала, по мнению писателя, могут участвовать чиновник и врач, получающие командировки за тысячи верст, и даже купец (Короленко имеет в виду мелких торговцев), которому приходится бывать «в юртах полукошевого якута или бродячего тунгуса, в яме кочевника — юкагира, на диких берегах Учюра, куда в известные ему времена стекаются из тайги ее дикие кочевые обитатели». Короленко намекает, что в этой работе могли бы принять участие политические ссыльные — «масса интеллигентных людей, рассеянных по якутским наслегам, живущих в невольной тесноте соприкосновения с местным своеобразным населением. Какой контингент для целой армии работников — собирателей, если не исследователей»²⁴.

¹⁸ Архив В. Г. Короленко, ф. 135, п. 19, ед. хр. 1245.

¹⁹ Б. М. Белявская, В. Г. Короленко и современная Якутия, стр. 216.

²⁰ Архив В. Г. Короленко, ф. 135, п. 8, ед. хр. 431.

²¹ Там же, ф. 135, п. 3, ед. хр. 112, л. 2.

²² В. Г. Короленко, Сибирские очерки и рассказы, т. I—II, М., 1946.

²³ «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. IV, М.—Л., 1955, стр. 207.

²⁴ «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. II, 1957, стр. 208.

Местное чиновничество мало интересовалось подобными вопросами. Это вынуждена была признать впоследствии и якутская администрация. Когда это оказалось необходимым, то к местной литературной работе привлекались политические ссыльные, «известные своим близким знакомством с экономическим бытом инородцев... и трудами по этнографии»²⁵. В это время Короленко уже не было в Якутии. Когда он там находился, ссыльным были официально запрещены всякая литературная деятельность и публикации.

В ссылке В. Г. Короленко тщательно изучал доступную ему литературу о Якутии, главным образом «Труды Якутского статистического комитета». В наброске статьи «Изучение края» он отмечает малое количество и плохое качество так называемых «трудов»: «Две-три книжонки в форме памятных книжек, статистические сведения в форме таблиц. Таблицы не обработаны, цифры мало достоверны. Поразительное воздержание от самостоятельных работ. Рубрики выполнены (с грехом на три четверти) и довольно». Далее приводятся вопиющие факты о состоянии в крае медицинской помощи (которой, по существу, не было), указывается на полное отсутствие «гласности» в серьезных вопросах якутской жизни.

Таковы первые попытки публицистической деятельности В. Г. Короленко, оставшиеся незавершенными.

Интерес его как исследователя-этнографа привлекали отдельные проблемы якутской этнографии, в частности религия якутов. О попытках исследования в этой области свидетельствует набросок статьи «Религия»²⁶. Определение религии якутов как шаманства справедливо кажется ему ограниченным, так как не исчерпывает всей полноты их религиозных представлений. Шаманство он считает лишь «практической и прикладной частью религии», так как якуты создали не только злых и добрых духов, вмешивающихся во все мелочи жизни и быта, но и целую космогоническую систему, которая, по мнению В. Г. Короленко, служит выражением «поэтических» представлений их предков о мире: «...Якут верит в шамана, в его силу вызывать духов, пользоваться ими для своих целей; но духи, с которыми шаман имеет дело, — лишь низшие духовные существа. Добрые или злые, светлые или мрачные, не они сотворили мир, не они и управляют им... Космогония народа не довольствуется этими низшими духами. Она требует более возвышенных образов, более широких представлений. И действительно, под грубым шаманством, этой, так сказать, практической и прикладной частью религии, мы видим представления о божествах иного рода». Далее в статье перечисляются якутские божества: старейшие из них — Ар Тойон, Кюбей-хотун, Юрюнг Анги Тойон, к которому обращаются во время ысыахов (весенний праздник кумыса), женское божество плодородия Ыйянь-Ияхевет. Приводится содержание одной из песен-гимнов, сопровождающих обряд освящения кумыса.

При написании статьи Короленко пользовался только личными наблюдениями. Это подчеркнуто им самим во вводной части: «К сожалению, мои сведения из этой области очень краткие. Зато они почерпнуты на месте»²⁷. Об одном из источников своих наблюдений В. Г. Короленко рассказывает в «Истории моего современника»²⁸. В Якутии ему удалось присутствовать на одном из ысыахов, и впоследствии он подро-

²⁵ М. Кротов, Якутская ссылка 70—80-х годов, М., 1925, стр. 60—61. О роли политических ссыльных в изучении Якутии см. также: «История Якутской ССР», т. II, гл. XXV, М., 1957; В. Николаев, Политическая ссылка в изучении Якутского края, Сб. «В якутской неволе».

²⁶ См. «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. II, стр. 206—207.

²⁷ Там же, стр. 209.

²⁸ В. Г. Короленко, История моего современника, стр. 355.

но описал его. Из русских писателей, отбывавших ссылку в Якутии до Короленко, праздник кумыса описал А. А. Бестужев-Марлинский²⁹. Короленко отмечает любопытную деталь, отсутствующую у Марлинского: для освящения кумыса якуты строят чумы, наподобие тунгусских шалашей, в память о том, что когда-то они жили в таких шалашах. (По-видимому, Короленко имеет в виду коническую юрту из бересты — урасу³⁰.)

Содержание песен-гимнов, сопровождающих обряд освящения кумыса, переведил и объяснял писателю старый якут. Эти гимны — «мольба к богу милостиво принять первую весеннюю жертву, взглянуть на нее с седьмого неба». Один из стариков, дававших объяснения В. Г. Короленко, говорил, что Анги Тойону не подобает сходить на землю. Самое большее, о чем можно просить его, — это спуститься на третье небо. Но он заботится о своих детях, «посылая им свое благоволение с востока, с добрыми ветрами».

Статья «Религия», как и публицистические наброски, осталась незаконченной. По-видимому, Короленко собирался закончить ее после возвращения из ссылки, изучив литературу по этому вопросу, так как в нижегородских записных книжках сохранился подробный конспект статьи Ф. Соловьева «Остатки язычества у якутов»³¹. Выписаны имена добрых духов и демонов с краткими характеристиками, заклинание шамана по-якутски и в переводе (Б. М. Белявская ошибочно считает заклинание записью самого В. Г. Короленко)³², записаны некоторые сведения по космогонии якутов. Там же выписаны имена духов из якутской молитвы, приводимой А. Миддендорфом³³ и также известной Короленко. В той же записной книжке³⁴ выписаны из статьи Словцова просьбы к духам и полагающиеся каждому из них приношения³⁵.

За время ссылки в Якутию Короленко научился понимать якутский язык, узнал многие якутские обычаи, характер и нравы якутов. Этнографические интересы писателя обнаруживаются в незаконченных набросках рассказов о якутах и в известном цикле сибирских рассказов. Так, в отрывке «Смерть якута»³⁶ речь идет об якуте, который умер в православной вере, и родные не знают, как его хоронить: 1) в кургане вместе с конем, 2) в середине древесного ствола, который подвешивался между деревьями, или 3) под срубом.

Однако из трех форм погребения, указанных Короленко, в этнографической литературе о якутах описаны две последние: похороны на деревьях — «арангас»³⁷, одна из древних форм погребения, вышедшая из употребления уже к концу XIX в., и погребение под срубом. Этнографы указывают, что в 1890-х годах самой распространенной формой (очевидно, под влиянием православной церкви) становится закапывание гроба в землю, в обычную могилу, над которой иногда делают деревянный сруб³⁸. О насыпях в виде кургана и о погребении якутов в сидячем по-

²⁹ А. А. Бестужев-Марлинский, Полное собр. соч., б/г, т. II, стр. 305—306.

³⁰ Описание ее дали многие этнографы: А. Миддендорф, В. Серошевский, В. Ф. Трошанский, Э. К. Пекарский, А. А. Попов и др.

³¹ Сборник газеты «Сибирь», СПб., 1876, т. I, стр. 409—419.

³² Б. М. Белявская, В. Г. Короленко и Якутия, Автореферат кандидатской диссертации, М., 1957, стр. 11.

³³ А. Миддендорф, Путешествие на север и восток Сибири, СПб., 1860, стр. 767.

³⁴ Архив В. Г. Короленко, ф. 135, п. 18, ед. хр. 1073.

³⁵ Там же, л. 6.

³⁶ В. Г. Короленко, Сибирские очерки и рассказы, т. II, стр. 389.

³⁷ Д. А. Кочнев, О погребальных обрядах якутов, «Изв. О-ва антропологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», т. XII, вып. 5, 1895, стр. 455. См. также: Н. Геккер, Три якутские могилы, «Изв. Вост.-Сиб. отд. Русского географического об-ва», стр. 183—197.

³⁸ Б/а, Формы погребения у народов Восточной России и Сибири, «Изв. О-ва антропологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», т. X, 1892, стр. 85—86.

ложении в этнографической литературе не упоминается. Источник, которым мог пользоваться В. Г. Короленко, остается для нас не известным. Интересной деталью является упоминание о трех стрелах, укрепляемых на носу ладьи, под которой хоронят якута в срубе. Эта деталь также отсутствует в известных описаниях погребальных обрядов якутов. Характерно, что Короленко не просто описывает тот или иной способ погребения, но в духе народной поэтической традиции осмысляет его детали: похороны на деревьях — чтобы «свободный ветер ласкал его» и чтобы «дух его носился на широких крыльях ветра». Стрелы на носу ладьи укрепляют для того, чтобы они показывали «путь к вечности».

Упоминает Короленко и о других якутских обычаях: «Якуты, отправляясь в дальнюю дорогу, вешают на деревьях мелкие тряпки, волосы, выдернутые из конских хвостов, и тому подобные умиловительные жертвы»³⁹. Этот обычай характерен не только для якутов, но также для бурят и для монголов; о нем упоминает американец Д. Кеннан, путешествовавший по России⁴⁰. Обычай этот он объясняет верой якутов в духов — покровителей воды, леса, деревьев и стремлением задобрить их подарком перед дорогой, которая небезопасна в тайге. Короленко отмечает также обычай завораживать духов болезни, если якут заболевает, и уносить их в тайгу в виде небольших деревянных изображений. Это нечто вроде талисмана, который, найдя в лесу, нельзя трогать, чтобы не навлечь на себя несчастья⁴¹. Об изображении различных эпидемий в виде старухи, едущей на крошечных санях, сообщает В. Л. Приклонский⁴². Такие сани с седоком нашел в лесу товарищ Короленко А. П. Павлов. Об этом вспоминает писатель в «Истории моего современника»⁴³.

В. Г. Короленко интересовал и повседневный быт якутов. Его удивило, что якуты мелют зерно ручными мельницами, на каких «мололи хлеб еще во времена Гомера», и он зарисовывает у себя в тетради хозяйку-якутку, мелющую муку на лепешку⁴⁴, и подробно описывает самую мельницу. Позже, в той же «Истории моего современника», Короленко замечает, между прочим, что у якутов нет ремесел. Они не знают другого способа молоть муку, кроме ручного. Поэтому «мельник считался у них представителем особой мудрости, дававшей ему возможность перемалывать невероятное количество муки»⁴⁵. Такое же отношение вызывают у якутов кузнецы. Короленко вспоминает: «Мне случилось видеть в улусе двух кузнецов. Они считались вместе с тем и врачами и колдунами»⁴⁶. Утверждение, что у якутов не распространены ремесла, по-видимому, относилось только к местности, где жил Короленко. Что касается якутов в целом, то писателю было хорошо известно из многих источников, что они знают ряд ремесел. Сохранилась выписанная им характеристика якутов из книги А. Миддендорфа: «Ремесла (плотники, кузнецы, столяры). В 1859 г. в одном Кангаласском улусе насчитывалось 64 плотника, 90 кузнецов, 3 столяра. Изобретательность и сноровка»⁴⁷. В этой книге якуты характеризуются как народ даровитый, обладающий художественным вкусом, способностью к импровизации. Это исследование вышло в 1860 г.

³⁹ Этот обычай отмечается также в статье б/а «Якутские поверья», в журнале «Православный благовестник», т. III, № 17, стр. 34—35.

⁴⁰ Д. Кеннан, Сибирь и ссылка, М., 1906, стр. 181—182.

⁴¹ В. Г. Короленко, История моего современника, стр. 321.

⁴² В. Л. Приклонский, Три года в Якутии, «Живая старина», вып. III, 1891, стр. 75. См. также: б/а «Верования прежних якутов», «Православный благовестник», т. II, № 13, стр. 218; М. С. Вруцевич, Обитатели, культура и жизнь в Якутской области, «Записки Русского географического общества», т. XII, вып. 2, 1891, стр. 1—45.

⁴³ В. Г. Короленко, История моего современника, стр. 307.

⁴⁴ В. Г. Короленко, Записные книжки, М., 1935, стр. 435.

⁴⁵ Там же, стр. 307—308.

⁴⁶ Там же, стр. 309.

⁴⁷ Архив В. Г. Короленко, ф. 135, п. 18, ед. хр. 1073.

в эпоху общественного подъема. Иначе писали о якутах в 1880-х годах, в период разгула реакции, когда самодержавие усиленно насаждало национальную рознь. В реакционной публицистической литературе якутов описывали как племя, «обреченное законами истории и природы... на вымирание»⁴⁸. Автор одной из статей заявляет, что якуты безнадежно «принижены суровой природой», но у них есть «довольство своей участью», и вряд ли «мы сделаем этот народ счастливее, когда привьем цивилизацию»⁴⁹. В. Г. Короленко же относился к якутам, как и к другим народам Сибири, с симпатией и сочувствием. Он видел в них сограждан, достойных уважения, но находящихся в трудных условиях суровой природы, бесправия и эксплуатации. По его характеристике, «якуты бойки, сообразительны, и среди других инородцев играют роль торговцев»; якуты — народ добрый («Артисты») ⁵⁰, добродушный, гостеприимный, приветливый и отзывчивый («Соколинец») ⁵¹, честный, умный, способный («История моего современника») ⁵².

Короленко записывал якутские песни-импровизации и неоднократно использовал их в своих произведениях («История моего современника», рассказ «Ат-Даван», неоконченные наброски рассказов «Песня», «Артисты»).

«Якутская песня — нечто горловое, тягучее, жалобное», — характеризует он их звуковое своеобразие. Но, даже слушая ее впервые, Короленко замечает, что она удивительно гармонирует со всей окружающей сибирской природой и тонко передает настроение минуты: «К однообразному скрипу полозьев по снегу и к шуму тайги присоединилось еще что-то, точно жужжание овода, прерываемое какими-то всхлипываниями... Это была якутская песня. Начинаясь она звуком а—ы—ы—ы..., тянувшимся бесконечно и по временам модулируемым почти истерическими рыдающими перехватами голоса. Странные звуки удивительно сливались со скрипом полозьев и ровным шумом тайги»⁵³.

О другой песне Короленко говорит: «... Тут не было песни в нашем смысле, не было мелодии. Но тут было нечто до такой степени сливавшееся с настроением минуты, что моего знакомого захватила эта песня»⁵⁴. В письме от 26 декабря 1883 г. к сестре Э. Г. Короленко писатель сообщает, что впечатление от якутской песни зависит от исполнения. В хорошем исполнении в песне чувствуется темп и ритм, и от певца зависит степень художественности образов⁵⁵. В других его высказываниях о песне отмечается ее своеобразная красота и гармония. Как и многие этнографы⁵⁶, он видит у якутов «большую склонность к поэзии, хотя и не в нашем смысле», и высоко ценит их способность к импровизации.

Эти высказывания В. Г. Короленко очень ценны и для характеристики отношения писателя к якутской поэзии, для выяснения его взглядов на фольклор. Короленко показывает, что художественная форма якутской песни и ее содержание тесно связаны со своеобразием окружающей природы, и в значительной степени определяются характером быта, не-

⁴⁸ «Якутские епархиальные ведомости», 1 февраля 1889 г., № 3.

⁴⁹ Там же, 1 марта 1889 г., № 5.

⁵⁰ В. Г. Короленко, Сибирские очерки и рассказы, т. II, стр. 366—386.

⁵¹ В. Г. Короленко, Собр. соч., т. I, М., 1953, стр. 131—176.

⁵² Подробнее см. об этом в статье Б. М. Белявской «Тема дружбы русского и якутского народа в творчестве В. Г. Короленко» («Доклады на 5-й и 6-й научных сессиях. История и филология», Якутск, 1954).

⁵³ В. Г. Короленко, История моего современника, стр. 289.

⁵⁴ Там же, стр. 353.

⁵⁵ «Письма из тюрьмы и ссылки», стр. 184—186.

⁵⁶ В. С. Серошевский, Якуты, т. I, СПб., 1896, стр. 184—186; А. Н. Самойлович, Якутская старинная устная литература, Сб. «Якутский фольклор», Л., 1936, стр. 19—21; Г. Эргис, Богатырский эпос якутов, вып. I, Якутск, 1947, стр. 109 и др.

однократно подчеркивает ярко выраженный национальный характер якутской поэзии, подходит к ее оценке с демократических позиций гуманиста и просветителя.

Короленко интересуется не только содержанием якутских песен и эпоса — олонхо; его внимание привлекает также система художественных образов, своеобразие поэтического языка. Он пытается объяснить причины этого своеобразия и показывает, что национальный характер якутской поэзии, ее специфика объясняются историческими судьбами якутского народа и условиями окружающей якутов природы. В своих наблюдениях над языком и художественными изобразительными средствами Короленко неоднократно ссылается (например, в рассказе «Ат-Даван», в «Истории моего современника») на олонхо «Эрейдах-Бурейдах Эр-Соготох», известное по многим записям и в нескольких основных вариантах. Текста этой поэмы, известной Короленко, нет ни в его записных книжках, ни в дневниках⁵⁷.

Возможно, что он почему-либо не записал слышанный им вариант олонхо об Эр-Соготохе, но, по-видимому, хорошо знал его содержание. Он сравнивает Эр-Соготоха с русским героем волшебных сказок Иванушкой. Черты этого сходства тщательно выясняет И. Г. Парилов: «В. Г. Короленко называет Эр-Соготоха „бедной сиротинкой“, „якутским Иванушкой“. Этим он верно отмечает некоторые черты личности героя якутского народного эпоса. Эр-Соготох сиротинка, потому что он рожден без родителей, не имеет их... Эр-Соготоху, как и Иванушке, приходится в поисках своей суженой преодолевать массу препятствий, совершать необыкновенные подвиги, побеждать своих соперников. Ему, как и Иванушке, сопутствует постоянная удача»⁵⁸. И. Г. Парилов предполагает, что Короленко, возможно, слышал какой-то своеобразный вариант олонхо об Эр-Соготохе, испытавший на себе влияние русских народных сказок об Иванушке; это не представляется невероятным, — еще Худяков отметил бытование русских былин и сказок на якутском языке.

Интерес к якутской поэзии Короленко проявлял и после возвращения из сибирской ссылки. В своих письмах к амгинской знакомой Т. А. Афанасьевой он неоднократно просит прислать ему в переводе якутские песни, сказки, олонхо. Так, в письме из Нижнего-Новгорода от 5 октября 1886 г. он пишет: «Не могу себе теперь простить той лени, которая помешала мне собрать якутские сказки и песни. Будьте так добры, передайте моим товарищам просьбу: записать и переслать хоть несколько таких песен, сказок и особенно — о завоевании русскими». В письме от 5 января 1886 г., упоминая о Н. С. Тютчеве, известном революционере, народнике, он упрекает того за невыполненные обещания насчет якутских песен: «...Обещал писать, написать песни, и т. д., а сам ни одного слова». В письме от 27 июля 1886 г. он снова напоминает: «А что же насчет песен якутских? Я уже скоро примусь за описание ваших палестин»⁵⁹.

Интересовался Короленко и якутскими преданиями. Некоторые из них он использовал в своих произведениях, часть осталась в записных книжках или незаконченных набросках рассказов и очерков. Так, в двухтомнике сибирских рассказов и очерков, изданных в 1946 г., опублико-

⁵⁷ Г. У. Эргис сообщает, что в Амгинском районе жил в конце XIX в. знаменитый олонхосут Чезбей Захаров, а в Батурусском улусе — олонхосут Олоодо, умерший до Октябрьской революции. Имена их обоих были широко известны якутам. Не исключено, что Короленко мог слышать олонхо от кого-либо из них. (См.: Г. У. Эргис, «Богатырский эпос якутов», стр. 15).

⁵⁸ И. Г. Парилов, Фольклор в сибирских произведениях В. Г. Короленко, «Ученые записки Новосибирского педагогического ин-та», вып. 7, 1947, стр. 80—81.

⁵⁹ «Воспоминания Т. А. Афанасьевой, письма (приложение)», Сб. «В. Г. Короленко в Амгинской ссылке», Якутск, 1947, стр. 76—80.

ваны два художественно обработанных якутских предания о героях-разбойниках. Первый набросок — «Манчары и Омоче (Омуоча)» — предание о двух якутских богатырях: жестоком и беспощадном Омоче и добродушном, веселом Манчары, отличавшемся необычайной силой и ловкостью. Это — «разбойники недавнего времени», — говорит Короленко. О Манчары память свежа, народ говорит о нем с симпатией. Набросок предания о Манчары и состоит из тщательно собранных народных рассказов, характеризующих Манчары как защитника народных интересов. Он шадил бедняков и заставлял «торговцев, купцов, иногда чиновников делиться своими запасами и деньгами»⁶⁰. Но он похищал красивых якутских женщин, был пойман одним из старшин, отбыл продолжительный срок каторжных работ и наконец был сослан на поселение в Вилюй. Здесь он «славился своей справедливостью и ценными советами». Предание о Манчары подверглось нескольким литературным обработкам. На его сюжет написана первая драма на якутском языке В. В. Никифорова «Разбойник Манчары»⁶¹. В 1897 г. в Тифлисе выходит поэма Н. Ф. Баратовского «Якут Манчары». В. Г. Короленко, прочитавший поэму, осуждает в ней тенденцию изобразить Манчары лихим разбойником, а не защитником интересов угнетенных. Он записывает в дневнике: «В поэме Манчары изображ<ен> каким-то Амалатбеком, нач<альником> шайки удалых. Чушь!»⁶².

В другом наброске использовано предание (некоторые фольклористы считают его сказкой)⁶³ про Омоллоона, слышанное Короленко в одном из амгинских улусов. Позднее, в 1914—1916 гг. это предание было записано в Верхне-Бологурском наслеге студентом Г. А. Неустровым⁶⁴. Короленко слышал его раньше (из Амги он уехал в 1884 г.); вариант, приведенный им, почти совпадает с поздним, но отличается большей лиричностью и носит более ярко выраженный социальный характер. И в том, и в другом вариантах Омоллоон убивает шамана, а духи убитого из мести насылают на него сумасшествие, под влиянием которого он «убивает всех с краю» и погибает, повесившись на лиственнице, на узде своей лошади. В варианте, приведенном Короленко, подчеркивается, что Омоллоон убивает шамана за нанесенное ему оскорбление, тогда как в варианте Неустроева убийство шамана объясняется неуравновешенностью характера героя. В варианте Короленко злые духи шамана («абаасы») не оставляют Омоллоона и после смерти. Со всяким, кто посетит его могилу, обязательно стряется беда. В варианте Неустроева в убийстве шамана участвует и брат Омоллоона, и месть родичей шамана обращается на брата, а Омоллоон возвращается через три года на родину, совершает ряд подвигов и живет в большой дружбе с богатырем Богуем Крепким. Смерть его в обоих вариантах объясняется одинаково. Предание про Омоллоона очень популярно среди якутов; И. Г. Париллов указывает, что Неустровым записана также сказка, сложившаяся на основе этого предания⁶⁵. Вариант, художественно обработанный Короленко, представляет несомненный интерес для исследователя якутских преданий и сказок.

На Яммалахском утесе Короленко записал предание о двух братьях, добром и злом⁶⁶, которое, по мнению Парилова, примыкает к преданию

⁶⁰ В. Г. Короленко, Манчары и Омоче, «Сибирские очерки и рассказы», М., 1946, т. II.

⁶¹ Альманах «Ленские волны», 1914, №№ 5—9.

⁶² Архив В. Г. Короленко, ф. 135, п. 10, ед. хр. 577.

⁶³ См. сб. «Якутский фольклор», Л., 1936, стр. 49.

⁶⁴ Омоллоон, Сб. «Якутский фольклор», стр. 163—169.

⁶⁵ И. Г. Париллов, Фольклор в сибирских произведениях В. Г. Короленко, стр. 83.

⁶⁶ В. Г. Короленко, История моего современника, стр. 352.

о Манчары и Омоче. Якут, рассказавший это предание, связывает его с происхождением своего наслег. Это предание содержится в одной из якутских тетрадей Короленко, а самый наслег назван Чақырским⁶⁷. Записано им также предание о Байагантайском улусе⁶⁸. Интерес писателя к преданиям не был случайным, так как он считал, что в якутском фольклоре это «наиболее разработанный и массовый жанр».

После возвращения из ссылки Короленко тщательно собирал и изучал литературу о Сибири. За библиографическими сведениями обращался он к В. Н. Шаганову, бывшему каракозовцу, одновременно с Короленко отбывавшему ссылку в Батурусском улусе Якутской области. В. Н. Шаганов был организатором в улусе библиотеки, которая просуществовала до начала XX в. Э. К. Пекарский вспоминает, что там были книги, «касающиеся Якутской области»⁶⁹. Вернувшись из ссылки, Шаганов продолжал интересоваться литературой об Якутии⁷⁰ и 27 февраля 1885 г. послал Короленко список литературы о Сибири со своими комментариями (список сохранился в архиве Короленко)⁷¹. Из замечаний Шаганова видно, что Короленко интересовался сведениями о декабристах, сосланных в Сибирь, и о сибирских народах, главным образом о якутах. Список включает значительное число названий⁷².

Карандашные пометки на полях этого списка, а также обширные выписки и конспекты, содержащиеся в записных книжках писателя, свидетельствуют о том, что Короленко тщательно изучил не только указанную литературу, но и другие исследования и статьи на русском, немецком и французском языках⁷³.

Выписки и конспекты содержат сведения о народонаселении края, о состоянии в Сибири гражданского управления, о народностях Сибири и ее крупнейших городах, о якутской и чукотской ярмарке и о многом другом. Внимание В. Г. Короленко привлекают в особенности вопросы колонизации Сибири, борьба инородцев за свою независимость. Он выписывает из различных источников сведения о бунте якутов в ответ на притеснения якутского воеводы П. Головина (выписки из статьи Хмырова «Царь Алексей Михайлович и его время», И. Москвина «Воеводы и начальники г. Якутска и их действия»); об усмирении чукчей в 1729 г. Павлуцким («Отрывки о Сибири» М. Геденштрома). Выписки характеризуют отношение к якутам русских воевод, содержат сохранившиеся в народе предания о коварстве П. Головина, о жестокости А. Барныше-

⁶⁷ З. Власова, Фольклорные записи В. Г. Короленко, Сб. «Русский фольклор», т. II, 1957, стр. 208.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Э. К. Пекарский, Из воспоминаний о каракозовце В. Н. Шаганове, «Каторга и ссылка», 1924, № 3/10, стр. 212—217.

⁷⁰ См. письмо В. Н. Шаганова Э. К. Пекарскому от 20 февраля 1885 г., «Каторга и ссылка», 1924, № 3/10, стр. 222—223.

⁷¹ Архив В. Г. Короленко, ф. 135, п. 18, ед. хр. 1073.

⁷² М. Геденштром, Отрывки о Сибири, СПб., 1830; П. Словцов, Историческое обозрение Сибири, СПб., 1838—1844; А. Х. Миддендорф, Путешествие на север и восток Сибири, ч. I—II СПб., 1860—1869; О. Бетлинг, Язык якутов, СПб., 1849—1851; Ф. П. Врангель, Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю в 1820—1824 гг.; Р. К. Маак, Вилюйский округ Якутской области, СПб., 1877; Н. Щукин, Поездка в Якутск, СПб., 1830; «Сборник историко-статистических сведений о Сибири», 1875; статьи об якутах в «Записках Восточно-Сибирского отдела Русского географического об-ва»; «Памятные книжки Якутской области» за 1866, 1872, 1877 гг.; письма А. Б. Бестужева из Якутска («Русский вестник», 1867); газета «Сибирь» за 1877 г., содержащая сведения о декабристах, сосланных в Якутию, и др.

⁷³ Г. А. Сарычев, Путешествие Биллингса через Чукотскую землю, СПб., 1811; его же, Путешествие по северо-восточной части Сибири, «Морской сборник», 1869, № 7; Н. В. Семевский, Новейшие любопытные и достоверные повествования о Сибири, СПб., 1817; Вагг и Наельмерсен, Beitrage zur Kenntniss des Russischen Reichs, вып. 1, Petersb., 1839 и др.

ва. Отмечаются и те немногие воеводы, которые заступничеством за якутов оставили по себе добрую память (об М. М. Черкашинникове, положившем конец грабёжам при сборе ясака, выписан отзыв якутов: «... В Мироновы времена для нас солнце взошло или день начался!»).

С большой тщательностью собирает В. Г. Короленко этнографические сведения не только о якутах, но и о других народах Сибири: о тунгусах, чукчах, юкагирах, о географических границах распространения каждой отдельной народности, об их обычаях, о преданиях отдельных якутских родов, о наиболее распространенных приметах («язык знаков: ветка, положенная на след,—запрещение идти дальше; чурбан на месте, где был чум,—не советуют строить чум в этом месте») ⁷⁴. Из книги А. Миддендорфа В. Г. Короленко полностью выписывает предание о поселении якутов на Лене (про Огонома и Эльяя) и о первой встрече якутского князя Тыгына с русскими. Особый интерес писателя именно к этим преданиям был обусловлен тем, что ему удалось слышать предание о Тыгыне (Дыкане) от ленских ямщиков («станочников») на обратном пути из ссылки. Ямщики пытались объяснить Короленко историю переселения своих предков из России на Лену по приказу русского царя. В первых набросках к рассказу «Государевы ямщики», сделанных тогда же, включено и это предание, записанное по памяти ⁷⁵. Однако в окончательную редакцию «Государевых ямщиков» предание не было включено скорее всего из опасения цензурного вмешательства, как не была использована в этом рассказе легенда о Н. Г. Чернышевском, услышанная Короленко от тех же ленских ямщиков. (Легенду о Чернышевском писатель включил впоследствии в свои воспоминания о нем.)

Короленко собирал и изучал также материалы о природных богатствах Сибири: о запасах пушнины, рыбы, о месторождениях ископаемых (выписка из «Горного журнала», 1831, № 10). Конспекты и выписки показывают, что его, несомненно, занимали перспективы будущего освоения Сибири. Он отмечает в записной книжке различные предложения, когда-либо полученные правительством, по усовершенствованию в Сибири водных путей: предложение П. С. Палласа о соединении рек Лены и Енисея «посредством канала между р. Хилком, притоком р. Селенги, и р. Витимом, притоком Лены» (осуществление его облегчило бы доставку пушнины из бассейна Лены и открыло бы возможность сбыта продуктов из Верхнеудинского округа в бесплодную Якутскую область) ⁷⁶, предложение о соединении Енисея и Оби «посредством рек Сыма и Тьма (1-я впадает в Енисей, 2-я — в Обь. Вершины их сближаются в болотистом лесу, и канал между ними не длиннее был бы 10 верст)» ⁷⁷; проект вице-адмирала Фомина перенести Охотский порт в устье р. Алдана (осуществление его окончилось неудачей) ⁷⁸.

Невозможно перечислить в настоящем сообщении самые разнообразные вопросы, привлекавшие внимание В. Г. Короленко. Некоторые выписки сопровождаются его замечаниями, оценками; иногда просто восклицательный знак или подчеркнутая фраза характеризуют его отношение к написанному.

Так, по поводу рассуждений М. Геденштрома о том, что в Якутской области «просвещение или расширение понятий человеческих более вредно, чем полезно», так как «житель сей дикой пустыни понял бы свое

⁷⁴ Архив В. Г. Короленко, ф. 135, п. 18, ед. хр. 1073.

⁷⁵ В. Г. Короленко, Записные книжки, стр. 87—88, 104.

⁷⁶ Архив В. Г. Короленко, ф. 135, п. 18, ед. хр. 1075, выписка из книги Л. А. Гагемейстера «Статистическое обозрение Сибири» (СПб., 1854, ч. II).

⁷⁷ Там же, ф. 135, п. 18, ед. хр. 1073, выписка из книги М. Геденштрома «Отрывки о Сибири» (СПб., 1830).

⁷⁸ Там же, ф. 135, п. 18, ед. хр. 1073, выписки из «Памятных книжек Якутской области» на 1863, 1866, 1872 гг.

бедственное состояние, но не нашел бы средств к его улучшению. Он доволен теперь при счастливом своем невежестве», — Короленко замечает: «Стр<аницы> 94 и 95 — очень простодушные рассуждения о вреде образованности для якутов»⁷⁹. Однако последующие рассуждения автора уже вызвали негодование Короленко, так как ниже сделана выписка, в которой особенно возмущившие его слова подчеркнуты карандашом, а в конце фразы поставлен им в скобках восклицательный знак: «Теперь в счастливом невежестве своем он (якут — З. В.) даже притеснения от русских не считает за несправедливость. Он разумеет о них, как об обычае, которому покорялись отцы его и которому он должен покорствовать (!)».

Собранные писателем из различных источников материалы свидетельствуют о его широких и разнообразных интересах к прошлому, настоящему и будущему Сибири, о глубоком изучении этого края, о пристальном внимании к судьбе его коренного населения, русских переселенцев и ссыльных. Многочисленные выписки и конспекты интересны также как один из источников его художественных произведений о Сибири.

Живой интерес к этнографии Сибири, к дальнейшим успехам ученых в этой области сохранился у В. Г. Короленко до конца жизни. Он поддерживает, как уже упоминалось, личное знакомство и переписку со многими крупными учеными-этнографами: Э. К. Пекарским, В. М. Ионовым, В. И. Иохельсоном, Г. Н. Потаниным, Л. Г. Левенталем, Н. Виташевским и другими и оказывает всяческое содействие в публикации этнографических работ и их популяризации. Так, в 1910 г. после смерти Левенталья, которого он высоко ценил как ученого и как человека, Короленко вместе с В. М. Ионовым вступает в переписку с родственником Левенталья А. Я. Зингером, чтобы сохранить для науки оставшиеся материалы и рукописи, убеждая последнего передать архив Левенталья Ионову для подготовки к публикации. «Из тех, кого я знаю, — пишет В. Г. Короленко об Ионове, — это единственный человек, могущий вдохнуть жизнь в эту грудку теперь мертвого материала, так как он работал вместе с Л<ьвом> Г<ригорьевичем>»⁸⁰.

В результате хлопот В. Г. Короленко и В. М. Ионина Зингер выслал архив в апреле 1911 г. в распоряжение Академии наук. Разбиравший материалы архива Э. К. Пекарский обнаружил среди них рукопись в 144 страницы, которая составляла продолжение большой работы Л. Г. Левенталья о взаимоотношении якутских платежей и улусных порядков землепользования. Первая часть этой работы была подготовлена Л. Г. Левенталем к печати еще в Сибири, но была цензурой запрещена. Впервые она была опубликована вместе с рукописью, найденной в архиве, после Октябрьской революции, в 1929 г. при содействии И. И. Майнова, отметившего в предисловии заслугу В. Г. Короленко и В. М. Ионина⁸¹.

Постоянный интерес к фольклору и этнографии проявляет В. Г. Короленко и как редактор журнала «Русское богатство». В журнале регулярно печатаются заметки и рецензии на все новые публикации и исследования, появляющиеся в области этнографии и фольклора. Когда в 1896 г. выходит из печати большая этнографическая работа В. С. Серошевского «Якуты», Короленко пишет В. Н. Сторожеву письмо, в котором положительно оценивает эту книгу: «...В ней много интересного этногра-

⁷⁹ Архив В. Г. Короленко, ф. 135, п. 18, ед. хр. 1073, записная книжка, стр. 52.

⁸⁰ Архив Э. К. Пекарского (Рукописный фонд АН СССР в Ленинграде, опись 2, № 202, машинописная копия).

⁸¹ Д. Павлинов, Н. Виташевский, Л. Г. Левенталь, Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов, Л., 1929, предисловие И. И. Майнова.

фического и бытового материала»⁸², и просит написать рецензию о ней для «Русского богатства» (рецензия появилась в 8-й книжке журнала за 1898 г.). Печатаемые отзывы и рецензии характеризуют действенное отношение журнала к вопросам фольклора и этнографии. В отзыве на книгу В. И. Йохельсона «Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе» (СПб., 1898) говорится главным образом о значении трудов Сибиряковской якутской экспедиции, о необходимости изыскать средства для их издания; появление книги Йохельсона является лишь поводом для того, чтобы поставить вопрос о судьбе собранных в трудных условиях ценнейших материалов⁸³. В рецензии на сборник Е. Балабановой «Легенды о старинных замках Бретани» (СПб., 1898)⁸⁴ дана высокая оценка художественных достоинств народной поэзии, указаны ее характерные особенности и главная из них — «духовный коллективизм» произведений фольклора (т. е. то, что в наше время называется коллективностью творчества). Были помещены также отзывы на книги И. Жданова «Русский былевой эпос» (тт. I—V, СПб., 1895)⁸⁵ и М. Е. Соколова «Былины, исторические, военные, разбойничьи и воровские песни» (Петровск, 1886—1896)⁸⁶.

Необходимо отметить, что именно к Короленко обращается П. В. Шейн с просьбой откликнуться в «Русском богатстве» рецензией на первый том подготовленного им собрания песен, вышедший из печати в 1898 г. («Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях и пр.», СПб., 1898—1900). В своем ответе Шейну Короленко сообщает: «Рецензия в более или менее близком будущем появится. Я об этом просил уже лиц, интересующихся такими трудами, как ваш»⁸⁷. Сам Короленко хорошо знал публикации песенных собраний Шейна и пользовался ими в своей творческой работе. В архиве писателя сохранилась тетрадь с казачьими и историческими песнями, выписанными из публикации Шейна в связи с работой над романом о Пугачеве⁸⁸. Рецензия на собрание Шейна в «Русском богатстве» (1899, № 7) характеризует его как опытного и неутомимого собирателя. Его «капитальный и ценный труд», пишет рецензент, является важным вкладом в изучение народного быта (при этом подчеркивается его общерусский, а не областной характер). Кроме того, в рецензии затрагиваются вопросы публикации фольклорных текстов и отмечается неудовлетворительность принятой песенной классификации.

Журнал своевременно откликается на появление интересных исследований и сообщений в области фольклора и этнографии; рецензируются новые работы по этнографии, не только русские, но и зарубежные, как только они издаются в русском переводе. Так, в №№ 11 и 12 «Русского богатства» за 1896 г. были напечатаны рецензии на вышедшие в том году в Петербурге переводы книг Э. Тейлора («Первобытная культура»), М. Гернеса («История первобытного человека»), Ш. Летурно («Социология по данным этнографии»), И. Ганнегера («История человеческой культуры»).

В журнале были помещены отзывы на исследование И. И. Майнова «Некоторые данные о тунгусах Якутского края» (Иркутск, 1898), обширная рецензия Е. А. Ляцкого на работу Г. Н. Потанина «О восточных мотивах в средневековом европейском эпосе» (М., 1899), на книгу М. Г. Васильевой («Песни сибирячки», Спб., 1901).

⁸² Архив В. Г. Короленко, ф. 135, копировальная книга П-13.

⁸³ «Русское богатство», 1898, № 10.

⁸⁴ «Русское богатство», 1899, № 3.

⁸⁵ «Русское богатство», 1895, № 4.

⁸⁶ «Русское богатство», 1898, № 9.

⁸⁷ Архив П. В. Шейна, Рукописный фонд Академии наук в Ленинграде, оп. 2, № 93.

⁸⁸ Архив В. Г. Короленко, ф. 135, п. 11, ед. хр. 618.

Появлялись на страницах журнала и отдельные сообщения этнографического характера: М. И. Покровской («О жилищах петербургских рабочих»), С. Курнина («Безработные на Хитровом рынке в Москве»), В. И. Семевского («Из истории обязательного горного труда») и др.

Большое место занимали в журнале также рассказы и очерки этнографического характера: В. Н. Тана, В. Серошевского, Д. Н. Мамина-Сибиряка, С. Я. Елпатьевского и др.⁸⁹ Систематически рецензировались очерки и рассказы этих писателей, имеющие этнографический характер, выходявшие отдельными изданиями⁹⁰.

Все это свидетельствует о том, что В. Г. Короленко придавал большое значение фольклору и этнографии и в своей творческой практике, и в редакторской деятельности.

⁸⁹ См. В. Н. Тан — 1896, № 10, 1897, № 6; В. Серошевский — 1895, №№ 7—9; П. Ф. Якубович-Мельшин — 1895, №№ 9—12, 1896, №№ 1—5, 8, 1897, №№ 10—12, 1898, №№ 4—7, 1900, №№ 3, 9; Д. Н. Мамин-Сибиряк — 1895, №№ 11—12, 1899, №№ 10—12, 1900, №№ 10—11; С. Я. Елпатьевский — 1898, № 1, 1897, № 2, 1900, № 7.

⁹⁰ См. рецензии на следующие книги: «Якутские рассказы» В. Серошевского — 1900, № 10; «Чукотские рассказы» В. Тана — 1900, № 5; «Очерки и рассказы» С. Елпатьевского — 1899, № 9.